

ВСЕЛЕННАЯ ЖЗЛ

ГАЗЕТА ИЗДАТЕЛЬСТВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
СЕНТЯБРЬ 2019 № 1(24)

ЛЮБИТЕЛЯМ ИСТОРИИ
И ЛИТЕРАТУРЫ
БИОГРАФИЧЕСКОГО
ЖАНРА

НОВИНКИ «ЖЗЛ»

стр. 3

Василий Цицанкин
«ВАЛЕРИЙ ХАЛИЛОВ»
Алексей Карпов
«ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО»
Дмитрий Быков
«ШЕСТИДЕСЯТНИКИ»
Наталья Семенова
«МОСКОВСКИЕ КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ»
Игорь Рабинер, Владимир Галедин
«ФЕДОР ЧЕРЕНКОВ»
Евгений Новицкий
«ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ»

ЧИТАЮ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, СУЩЕСТВУЮ

стр. 4

Валентин Юркин — о человеке и книге, устремленных в будущее.

ПЕРСОНА

стр. 5

Директор издательства Татьяна Дорошина — о своем трудовом пути и задачах, которые стоят перед «Молодой гвардией».

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ

стр. 6

20 января ушел из жизни директор издательства «Молодая гвардия» в 1978—1985 годах Владимир Десятерик (1937—2019). О Владимире Ильиче и связанном с ним этапе истории нашего издательства вспоминают его дочь Марина, а также коллеги, друзья и близкие — Валентин Юркин, Евгений Тяжельников и Борис Пастухов, Зинаида Драгункина и Лилия Рязанова, Валентин Осипов и Анатолий Чирва, Юрий Поройков и Адольф Куканов.

ВОКРУГ «ЖЗЛ»

стр. 7

Анна Сергеева-Клятис «ЗАЛОЖНИКИ ЛЮБВИ»
Патрик Карез «ГУСТАВ КЛИМТ»
Андрей Рубанов, Василий Авченко
«ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ»
Александр Васькин
«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОЙ БОГЕМЫ»
Александр Куланов
«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЯПОНЦЕВ: ВЗГЛЯД ЗА ШИРМУ»
Валентин Юркин
«ЭНЕРГИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»: XXI ВЕК. ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОШЛОГО, ПРИБЛИЖЕНИЕ БУДУЩЕГО»

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ

стр. 8

Предлагаем вашему вниманию план мероприятий на нашем стенде (J3—K6) на 32-й Московской международной книжной выставке-ярмарке (ВДНХ, 75-й павильон, зал «А»; 4—8 сентября).

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой всё особое, свое,
И нет планет, похожих на нее.*

Е. Евтушенко

АЛИСА ГАНИЕВА И ТРЕУГОЛЬНИК «ЛИЛЯ – МАЯКОВСКИЙ – ОСИП»

Лилия Брик. Этой неподражаемой женщиной были очарованы красный командир Виталий Примаков, режиссеры Лев Кулешов и Сергей Параджанов, поэт Андрей Вознесенский, композитор Родион Щедрин, балерина Майя Плисецкая и, конечно же, Владимир Маяковский. Как складывались отношения Лили Юрьевны с «футуристом ростом в сажень» и законным мужем Осипом Бриком? В этом и многих других жизненных «треугольниках», которыми была наполнена яркая биография Лилии Брик, попыталась разобраться автор книги «Ее Личество Брик на фоне Люциферова века», известный писатель Алиса ГАНИЕВА.

— Алиса, как возник замысел этой книги?
— Во всем «виноваты» издательство «Молодая гвардия» и ее искрометный главный редактор Андрей Витальевич Петров. Соблазнил, соблазнил написать про кого-нибудь — и соблазнил. Обсуждали возможного героя или героиню в неформальной обстановке, во время литературного застолья, звучала гитара, и вдруг из обрывочных реплик, из шуточек вылилась Лилия Брик. Эта женщина меня занимала давно. И восхищала, и раздражала — в общем, мимо пройти не удалось.
— Знаю, что вы работали над книгой около года. Какие источники использовали?
— Всё, до чего могла достать рука (и нога). Из основного — мемуары самой Лилии Брик, книга ее пасынка Василия Катаняна «Лилия Брик. Жизнь». Фундаментальный труд шведа Бенгта Янгфельдта про Маяковского и его круг. Переписку Брик с сестрой Эльзой Триоле, с Маяковским, с Осипом Бриком. Ценный двухтомник

Анатолия Валуженича «Пятнадцать лет после Маяковского» и так далее, в том числе недавно оцифрованные беседы с современниками Лилии Брик, которые выложены в онлайн-архиве «Устная история». Немножко дергала знакомых и незнакомых, которым довелось увидеть мою героиню живьем, в том числе того же Янгфельдта. Ну а еще — газеты, толстые журналы... Особо благодарна своему суперредактору Елене Никулиной — за профессионализм и страсть в работе.
— Как у вас сформировалось понимание, в каком ключе нужно подать историю этой женщины?
— Это нашупалось само собой. Я не литературовед и не биограф, моя стихия — романы и рассказы. Так что книга о ее Личестве Брик была в каком-то роде экспериментом. И писала я ее как роман — с ответвлениями, неожиданными поворотами и хором противоречивых оценок. В этом хоре прорывается и мой голос, и со-

всем не научный, а, напротив, весьма придирчивый взгляд из нашего времени. Дмитрий Быков, читавший отрывки, опубликованные в СМИ перед выходом книги, отметил в одном эфире, что в тексте маловато моей собственной крови. На самом деле там есть и кровь, и мини-отступления — порою очень личного характера. Читатель поймет, что я имею в виду.
— Ваша книга пронизана иронией — и в названии, и в обложке, и в названиях глав, и в самом стиле подачи. Это было сделано осознанно? Почему?
— Потому что не могу иначе. У меня в принципе ироничное (и в первую очередь самоироничное) мышление. Люблю остроты, неоднозначность, легкий эпатаж. А тут еще и материал! Авангард, революция, безумный вихрь течений, теорий, стилей, направлений, конспирологий. А персонажи! Трагичные и нелепые, гениальные

Продолжение читайте на стр. 2

АЛИСА ГАНИЕВА И ТРЕУГОЛЬНИК «ЛИЛЯ – МАЯКОВСКИЙ – ОСИП»

«Лилия Брик дышала в такт с XX веком с его идеями эмансипации женщины, революционными реформами брака, но при этом оставалась мещанкой, флэппершей, буржуйкой с невероятно развитой чувственностью и раскрепощенностью»

Продолжение.
Начало читайте на стр. 1

и смешные, великодушные и подлые одновременно. А время... какая-то концентрация зла и красоты. А героиня! Это же сама шаловливость. Как тут было не заразиться? За обложку и макет отдельное спасибо современному класснику книжного дизайна – Андрею Бондаренко. Думаю, сама Лилия Брик была бы от нее в восторге.

– Что о ней писали биографы до вас и чем ваша книга отличается от их трактовок?

– Биографы Лилии Брик делятся на три категории. Это либо саркастически к ней настроенные «полоскатели» грязного белья, либо преданнейшие фанаты, творящие из Лилии Юрьевны культ, либо объективно-отстраненные описатели. Моя же книжка по своему тону как будто стоит особняком. Иногда я присосеживаюсь к сплетникам и перебираю слухи, иногда презрительно хмыкаю на злословия и отвешиваю Лиле Брик глубокий поклон, всё зависит от ситуации, от поступка моей героини. Она ведь и вправду, как писала ее бывшая подруга Галина Катанян, не являлась ни ангелом, ни чудовищем. Истинная женщина, она была очень разной. И я тоже то и дело меняю свое отношение к предмету. Что называется, то луплю, то баюкаю. То негодую, то восхищаюсь.

– Как вы избежали опасности «впасть в желтизну», о которой вас предупреждал Смехов, о чем вы пишете в предисловии?

– Вениамин Борисович, общавшийся с Лилей Брик в последние годы и глубоко этим необыкновенным человеком очарованный, и вправду остерегал меня от «клоквы». Кажется, мне это удалось – я не спешу подтверждать сенсационные слухи, опровергаю, где следует, грязные клеветнические легенды о героине (вроде анекдота про секс с Осипом и царапающегося в кухонную дверь Маяковского). Но в то же время книга о Лиле Брик не может походить на агнографию. Она могла иногда припечатать собеседника соленым словом, могла огоршить откровенностью и тела своего не стеснялась. И чужих мужей не считала запретным плодом. Особая, «чернышевская» мораль сочеталась у нее с глубоким пониманием искусства, с чуткостью к истинным талантам, с редким умением зажигать звезды. Так что я стараюсь не отставать от своей героини в смелости – и некоторые пассажи книги наверняка покажутся кому-то скандальными или даже скабресными. Но пассаж пассажи рознь. И от похабства я тоже отстраняюсь – добродушным скепсисом.

– Задам вам же вопрос из одной из первых глав: «Как в истории нашей культуры случилась Лилия Брик? Откуда вылились ее экстравагантность, чувственность, безапелляционная уверенность в своей обольстительности?»

– Она привлекала и обольщала еще с гимназических лет. Но настоящая слава пришла к ее карим глазам, когда они с мужем стали опекать поэта Маяковского и перезнакомились со всей футуристической тусовкой. Это был Лилин билет в историю.

– Почему Лиллю Брик называют великой любовницей? В чем тайна этой женщины?

– Чтобы ответить на этот вопрос, придется пересказать всю книгу целиком. А тянулись к ней по-разному. Кого-то она поглощала, кто-то сохранял свою независимость. Та же Плисецкая, к примеру, вовсе не попала в категорию «подлилек» (женщин, растворенных в Лиле Брик, угодивших под ее влияние). Она вспоминает о своей благодетельнице со здоровой долей той самой иронии – в частности о том, как Лилия гордилась своими балетными экзерсисами. Или, к примеру, Эдуард Лимонов – Лилия Брик и ему пыталась вспомоществовать, и тот оставил о ней полугимн, полупасквиль. Но были, повторюсь, и те, в жизни которых Лилия Брик сыграла почти роковую роль – расстрелянный вместе с Тухачевским Виталий Примаков или тот же Маяковский. Почему они в нее влюблялись? Об этом – книга.

– При этом вы пишете, что «Лилия всю жизнь по-настоящему любила только одного мужчину – Осипа Максимовича Брика». Что это был за человек и чем он покорила ее?

– Он был человеком ее круга, родственной душой. Осколком ее дореволюционного мира. Холодный, осторожный, бурлящий идеями, но ленившийся довести хоть что-либо до конца (они в этом, кстати, были похожи). Возможно, она любила его еще и потому, что он не сразу ею увлекся и быстро поостыл как к женщине, – это провоцировало ее охотничий инстинкт. Впрочем, сейчас я очень упрощаю. Для полного ответа тоже придется пересказывать всю книгу.

– В главе «Крылатый Эрос» вы даете развернутую историческую справку о том, как в раннесоветские годы на политическом уровне прово-

дилась идея свободной любви. Пожалуйста, расскажите кратко, почему поведение Лилии в то время уже не было чем-то предосудительным?

– Лилия Брик дышала в такт с XX веком с его идеями эмансипации женщины, революционными реформами брака, но при этом оставалась мещанкой, флэппершей, буржуйкой с невероятно развитой чувственностью и раскрепощенностью, корни которой я вижу в любви к детству. Просто одно наложило на другое. Ее природная тяга к сексуальной вольности срифмовалась с модными идеями революционеро-демократов XIX века и постулатами Александры Коллонтай. Получился коктейль, от которого мало кто из мужчин мог отказаться.

– Вы пишете: «Одни зовут ее второй Беатриче, мудрой вдохновительницей, родной душой Маяковского. Другие – корыстной ведьмой, вампиршей, присосавшейся к несчастному гению, к его славе и деньгам, доведшей его до самоубийства». Какие отношения с Маяковским были у нее на самом деле?

– Отношения были немного садомазохистские. Она обожала его скорее как поэта, чем как мужчину. И сознательно закаляла его страданиями, чтобы сочинял еще ярче и лучше. И обесмерчивал ее имя. И тот обесмерчивал. Самоубийство Маяковского Лиллю потрясло, хотя она ожидала от своего «Шена» чего-то подобного – идея застрелиться была у него навязчивой, к тому же он страшно боялся старости. Они оба выросли в декадентскую эру, когда суицид был в тренде, она сама была им одержима и тоже в итоге покончила с собой – почти что в 87 лет! Впрочем, в трауре главной музы поэта была и толлика эгоизма. После кончины Маяковского де-

и жили втроем. Вторую половину 1920-х Лилия и вовсе ни с одним из двоих своих «сомужей» не спала, а просто делила с ними кров. Это был союз в высшем смысле. Союз идейно-творческий.

– Каким образом Лиле Брик удалось прожить так долго в это тяжелое время, когда многие из тех, кого она знала, гибли, уезжали из страны? Какие отношения были у нее с официальной советской властью?

– Удивительно, а удалось. Тут немаловажную роль сыграла ее сестра, эмигрантка и писательница Эльза Триоле, которая была замужем за знаменитым французским поэтом-коммунистом Луи Арагоном. Это был ценный для советского правительства агент влияния. С другой стороны, Лилия здесь отчасти играла роль заложницы. Отношения с властью были сложные. Близкие и антагонистические одновременно – всё зависело от эпохи. Впрочем, с властью имущими, как и с мужчинами, Лилия Брик общалась запросто – даже не допуская мысли, что те могут остаться непокоренными. И ведь покорялись. Троцкий, Луначарский, Сталин... Все они пошли у Бриков на поводу. С Сусловым, уже при Хрущеве и Брежневом, – нашла коса на камень. Развернулась целая антибриковская кампания, в которой определенную роль сыграл и советский антисемитизм.

– Расскажите о Лиле как о законодательнице мод. Каким был ее стиль и чем он поража contemporaries?

– О Лиле Брик-моднице в книге целая глава. Она знала толк в одежде, духах и косметике, прекрасно разбиралась в брендах, чуть ли первая из женщин в Москве носила брюки, в молодости дружила с советскими дизайнерами Ламановой и Поповой, в старости – с Ивом Сен-Лораном. Конечно, у нее было гораздо больше возможностей, чем у других советских женщин, – она регулярно получала из Парижа чулки со стрелками и сказочный парфюм. Но и в голодные годы военного коммунизма проявляла буйную фантазию – конструировала наряды из бархатных портьер и узбекских набоек. А ее головокружительное и очень современное «голое платье» попало в объектив Александра Родченко и украсило обложку моей книги.

– Кому из талантов она помогла и кого спасла от тюрьмы? И почему она это делала?

– Самая известная история – с режиссером Сергеем Параджановым, который благодаря ее активному вмешательству освободился из-за решетки раньше срока. Но спасенных было много. К примеру, поэт Николай Глазков, которого она подкармливала. Или тот же Вознесенский, которому через сестру она дала путевку к заграничному читателю. Почему? Потому что обожала открывать таланты. Как только талант «вырастал», обретал славу и всеобщее признание, ее интерес зачастую скукоживался. Она действительно любила и понимала живопись, поэзию, кино, и это (вместе с ореолом музы самого Маяковского) делало ее в глазах начинающих талантов великой и неподражаемой.

– Как, будучи всегда сексуально привлекательной, Брик приняла свою старость?

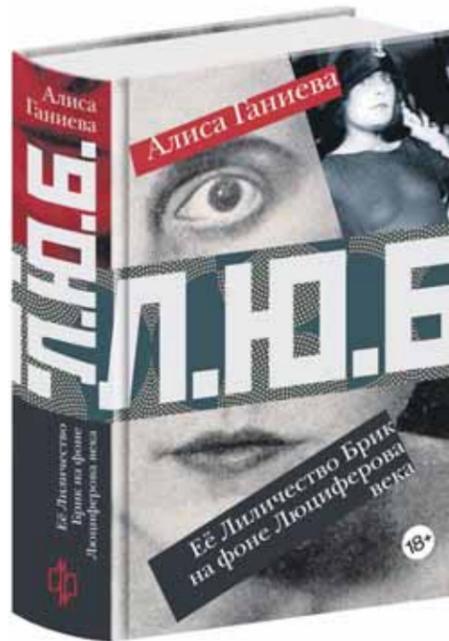
– Она влюбляла и будучи пожилой «мумией». Да, многих смешила, но многих всерьез покоряла. Даже молодых. Не опускала руки, тщательно следила за собой, держала парикмахерш, маникюрщиц. Густо красилась. Посещала все премьеры. Шеголяла вечерними платьями. А когда сломала шейку бедра и перестала ходить, решительно наглоталась нембуталом. Напиться чем-нибудь ядовитым в суицидальном порыве она была горазда, таких попыток за всю жизнь у нее было три, третья удалась. При всем при этом – бьющая через край vitalность и любовь к себе, которой стоило бы поучиться. Понистине яркое сочетание.

– Как вы думаете, останется ли Лилия Брик в истории?

– Прошло уже больше века с тех пор, как она начала разбивать сердца, а о ней всё спорят. Была она ГПУшницей или нет, погубила Маяковского или, наоборот, воздвигла на пьедестал талантливейшего поэта эпохи? Значит, и еще через сто лет вспомнят. Будут помнить, пока помнят Маяковского. А потом она может уйти в фольклор, как какая-нибудь Жозефина, госпожа де Помпадур или Мессалина. Как женщина, знаменитая тем, что была женщиной. Тоже ведь дано далеко не каждой.

– Как вы сами рассматриваете эту книгу в своей творческой биографии? Это своего рода еще один вызов тем патриархальным устоям общества, в котором вы выросли?

– Ну, мама моя, если ей попадет книга, будет, наверное, пить корвалол. Хотя, казалось бы, пора уже привыкнуть к тому, что я не «очи долу». А впрочем, пусть судят другие, если хотят. Сама я не строю себе биографию.

нег в семье поубавилось, машина пропала на ремонт, в быту наслаивались сложности. Она привыкла, что всё решал Маяковский, и страшно было остаться без его плеча. К счастью, рядом всегда оказывались желающие поддержать.

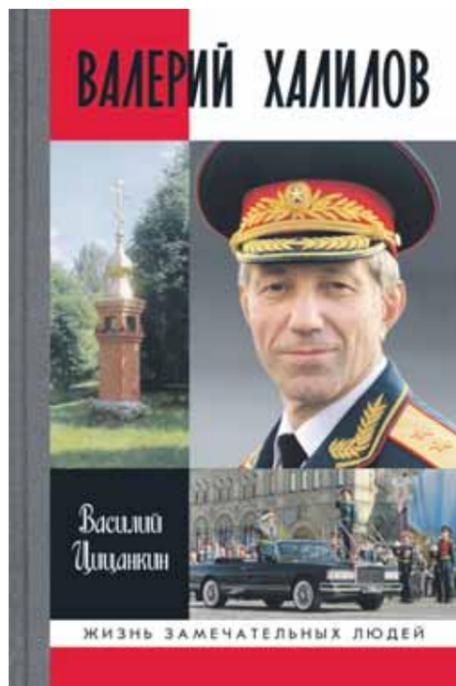
– А был ли треугольник «Лилия – Маяковский – Осип»?

– Треугольника в пошлом смысле между Бриками и Маяковским не было, хоть они

«Настоящая слава пришла к ее карим глазам, когда они с мужем стали опекать поэта Маяковского. Это был Лилин билет в историю»

ЛЮБИТЬ ВСЮ ЖИЗНЬ...

Валерий Халилов называл военный оркестр «связующим звеном между армией и народом». Так было и в его жизни: как главный военный дирижер страны он блистал на Парадах Победы и руководил оркестром из тысячи человек во время Международного фестиваля духовой музыки «Спасская башня», основателем которого он был. А после уезжал в родную деревню во Владимирскую область, ходил в лес за земляничкой и грибами и собирал всех соседей за одним столом. Он много сделал для того, чтобы после развала некогда великой державы престиж службы военных музыкантов вновь был поднят на должную высоту.

Валерий Михайлович Халилов погиб 25 декабря 2016 года в результате крушения самолета Министерства обороны России, направлявшегося в Хмеймим (Сирия). Вместе с ним погибли 91 человек, в том числе 64 артиста возглавляемого им ансамбля имени Александрова... Данная книга являет собой прежде всего дань памяти поистине Светлому Человеку, дирижеру и музыканту, которого знала вся страна.

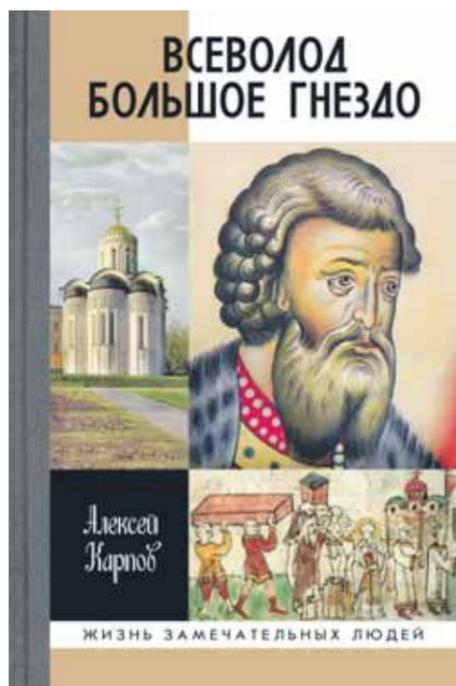
ТРИ ИСТОРИИ УВЛЕЧЕНИЙ

Историю каждого собрания можно разделить на судьбу вещей и судьбу человека, их собравшего. Счастьем лицезреть лучшие в мире картины французских импрессионистов, а также Гогена, Сезанна, Матисса и Пикассо мы обязаны двум москвичам: дерзкому новатору, не боявшемуся эпатировать московскую публику, безжалостному к конкурентам коммерсанту Сергею Шукину и миллионеру Ивану Морозову, которого в Париже называли «русский, который не торгуется». Третий герой — Илья Остроухов по профессии был художник, но по призванию — собиратель и музеестроитель, с невероятным темпераментом, азартом и подлинной страстью он покупал французскую живопись и русскую графику; восточную бронзу и античное стекло. Именно ему ставят в заслугу открытие художественного феномена русской иконы, в которой ранее ценились совсем иные, нежели собственно живописные, достоинства.

Автором этой необычной книги стала историк искусства, доктор искусствоведения Наталья Семенова, также известная собирателям серии «ЖЗЛ» по книге «Лабас».

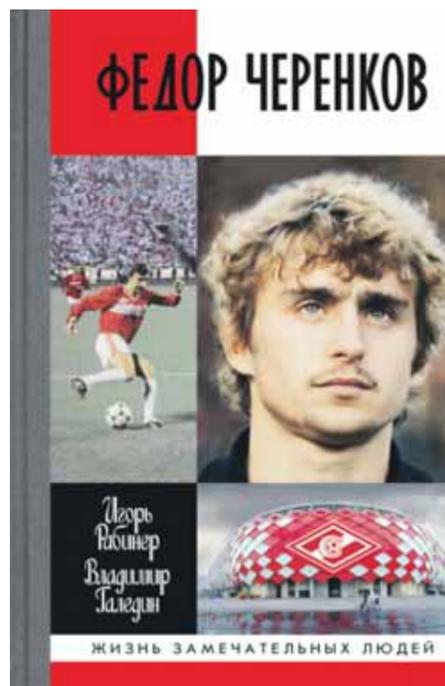
У ИСТОКОВ ВЕЛИКОРОССИИ

Внимание читателей предлагает биография одного из самых ярких правителей в истории Русского средневековья, великого князя Владимиро-Суздальского Всеволода Большое Гнездо. Именно в годы его княжения (1176—1212) Владимиро-Суздальская Русь достигла наивысшего расцвета, превратившись в сильнейшее русское государство, и от одного слова владимирского «самодержца» не раз зависели судьбы княжеских столов в Киеве, Новгороде, Галиче, Рязани и других городах. «Сей есть Всеволод всем русским нынешним князьям отец», — писал о нем книжник XVI века, и слова эти можно истолковать и так, что многие черты будущей российской государственности и политической жизни Московского царства были заложены в правление самого могущественного из владимирских князей.

Вместе с вышедшими ранее биографиями отца Всеволода князя Юрия Долгорукого и старшего брата Андрея Боголюбского книга образует своего рода трилогию, в центре которой история Владимиро-Суздальского княжества — политического ядра будущей великороссии.

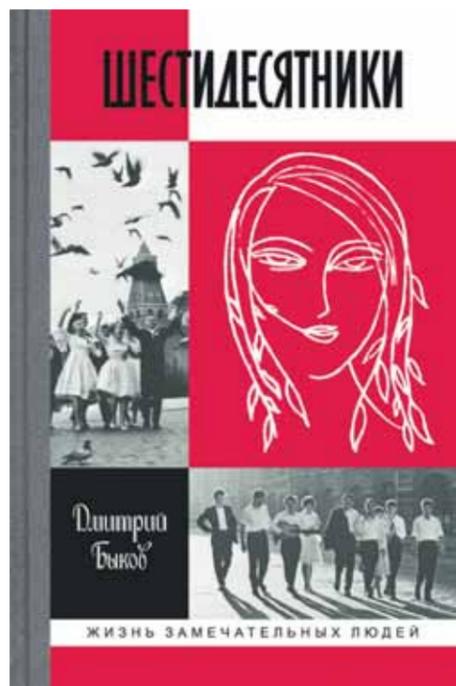
НАРОДНЫЙ ФУТБОЛИСТ

Федора Черенкова по праву называли «народным футболистом». Его любили все — и не только болельщики «Спартака» — клуба, которому он отдал всю жизнь и за который провел рекордное количество матчей. И когда в 2014 году его не стало, на прощание с ним пришло более 15 тысяч человек. Столько людей за всю историю отечественного футбола хоронило только двоих: его и Эдуарда Стрельцова. Их двоих, самых любимых, народ и называл ласково, по именам: Эдик и Федя.

О счастливой и одновременно трагической судьбе этого уникального «художника игры» рассказывается в книге Игоря Рабинера и Владимира Галедина. Авторы провели многочасовые беседы с людьми, лучше других знавшими выдающегося футболиста. Поможим это на тщательнейшее исследование прессы за каждый год, проведенный Черенковым в футболе и после него, — и получим книгу, рисующую его многогранный портрет на основе огромного количества новых для читателей фактов и расставляющую точки над «i» в многочисленных мифах вокруг его легендарного имени.

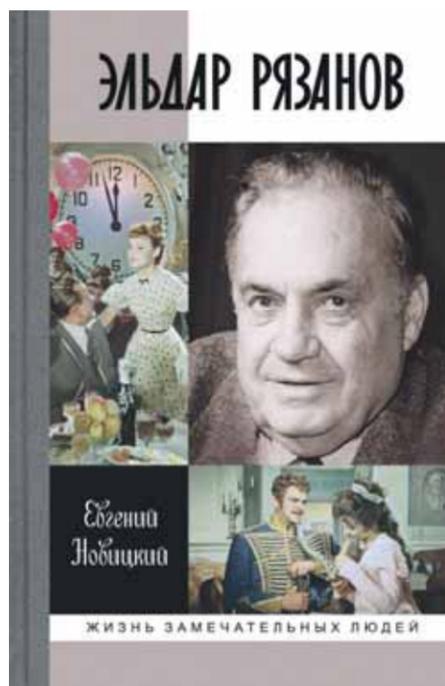
ОБРЕЧЕННЫЕ ПОБЕДИТЕЛИ

Поколение шестидесятников оставило нам романы и стихи, фильмы и картины, в которых живут острые споры о прошлом и будущем России, напряженные поиски истины, моральная бескомпромиссность, неприятие лжи и лицемерия. Их часто ругали за половинчатость, называли «храбрыми в дозволенных пределах», но их произведения до сих пор остаются предметом читательской любви. Новая книга Дмитрия Быкова — сборник биографических эссе, рассматривающих не только творческие судьбы самых ярких представителей этого поколения, но и сам феномен шестидесятничества.

Героями повествования стали Александр Галич и Владимир Максимов, Эдуард Асадов и Виктор Некрасов, Владимир Высоцкий и Андрей Синявский, Борис Слуцкий и Юрий Нагибин, Давид Самойлов и Юрий Трифонов, Евгений Евтушенко и Юлиан Семенов, Андрей Вознесенский и братья Стругацкие, Белла Ахмадулина и Фазиль Искандер, Новелла Матвеева и Василий Шукшин, Теннадий Шпаликов и Василий Аksenov, Иосиф Бродский и Венедикт Ерофеев, Нонна Слепакова и Валентин Распутин.

ИРОНИЯ СУДЬБЫ РЕЖИССЕРА

Эльдар Рязанов известен прежде всего как выдающийся комедиограф, создатель ряда немеркнущих советских киношедевров лирическо-юмористического жанра. Все мы знаем такие замечательные фильмы, как «Берегись автомобиля», «Невероятные приключения итальянцев в России», «Ирония судьбы, или С легким паром!», «Служебный роман», «Гараж»... Однако палитра его дарования куда более широка: он снял и несколько абсолютно серьезных драматических фильмов, и ряд замечательных телепередач, издал множество книг, писал сценарии, повести, стихи... Изначально документалист, потом режиссер игрового кино, экранный и театральный драматург, прозаик, поэт, телеведущий, просветитель, общественный деятель, Рязанов был личностью решительно ренессансного типа. Историк кино Евгений Новицкий, известный читателям по жизнеописанию Леонида Гайдая, в своем повествовании создает образ незаурядного, страстного, блистательного человека и режиссера, прожившего долгую плодотворную жизнь и оставившего огромное творческое наследие.

Все мы, даже самые искренние и преданные любители чтения, привыкли воспринимать книгу как нечто, само собой разумеющееся. И это объяснимо: книга относится к числу тех предметов человеческого бытия, наличие которых как бы не замечается; зато отсутствие такого предмета — представим, что книга внезапно исчезла! — сразу вызовет у нас чувство сначала дискомфорта, а затем поистине катастрофической, невосполнимой потери. В чем тут дело? Человек, быть может, только тогда в полной мере и стал *homo sapiens*, человеком разумным, когда научился читать. Книга — интеллектуальный фундамент цивилизации. Благодаря книге, человек имеет возможность познавать себя — искать свое место в обществе, в природе, во Вселенной; постигать смысл жизни и активно участвовать в ее, жизни, преобразовании.

Именно поэтому мы утверждаем, что движение в будущее, каким бы высокотехнологичным, сугубо цифровым ни грозил стать мир, — невозможно без книги. Слово бурная, полноводная река, книга неутомимо несет людям новые знания

Обескниженная Россия — а мы семимильными шагами движемся, увы, именно в эту сторону, — рискует остаться, и даже останется непременно, без важнейшего интеллектуального оружия, которое так ценится в чрезвычайно сложном, быстро меняющемся мире. Если Россия хочет войти в пятерку мировых держав — в области культуры, науки, техники, ей необходима умственная мобилизация, которая немыслима без развития книгоиздания.

Что есть книга, как не текст, сформированный наиболее емким и удобным способом? Что есть оформленный в книгу текст, как не лучшее средство передачи сложной последовательности весомых, глубоких мыслей? «Мысль! — восклицал Пушкин. — Великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль?» По-видимому, человечество никогда не откажется от наслаждения, счастья поиска и, главное, участия в акте рождения новой мысли — а значит, и книга никогда не утратит своей значимости. Тем более что зарубежные исследования убедительно показывают, что люди, постоянно совер-

ЧИТАЮ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, СУЩЕСТВУЮ

Человек и книга, устремленные в будущее

и бережно накопленный нравственный, эстетический, созидательный опыт предков. Великий свет, излу-

«Мысль! Великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль?»

Александр Пушкин

чаемый книгой, освещает всё здание человечества, освоившую им близкую природу и осваиваемые необозримые бездны космического пространства.

Всё это — истина, казалось бы, непреложная. Однако на рубеже XX—XXI веков в России появились сторонники «революционной» точки зрения, будто стремительное развитие интернета «отменило» книгу; мол «всемирная паутина», электронные СМИ отныне с легкостью обеспечивают решение всех вопросов умственного, духовного развития общества и воспитания новых поколений.

Конечно, это заблуждение, и всякий призыв убрать книгу с магистральной линии развития человечества следует рассматривать как нечто не только неведомое и ошибочное, но и крайне опасное. Не один великий ум бросался на защиту книги, как только возникал хотя бы намек на то, что она может быть утеряна. В №21 (апрель 2017) мы подробно рассказывали об «Ареопагитике» Джона Мильтона — речи, адресованной английскому парламенту. В 1644 году, выступая против цензуры, Милтон заявил, что «убить хорошую книгу — всё равно что убить человека»; что, более того, «человек смертен, а книга — бессмертна, и этим она даже более важна для общества».

В XX веке Джон Чивер писал: «Смерть литературы как средства общения предсказывалась еще в то время, когда только начинало распространяться радио. Телевидение, скоротечность, все виды ускорений также воспринимались как конец чтения серьезных книг. А читающая публика всё увеличивалась. С огромным энтузиазмом думаю я о перспективах написанного слова в обществе развивающейся электроники».

И вот эта электроника развилась настолько, что интернет, достоин-

ства и удобство которого станет отрицать только сумасшедший, прочно вошел в нашу повседневность.

Скорость получения информации в интернете велика, а объемы ее — колоссальны. Но вот беда: систематизации и, главное, достоверности информации в интернете катастрофически недостает — у большинства этой информации нет автора, тексты как бы никому не принадлежат и, следовательно, принадлежат каждому; получается, что за них никто не отвечает — недаром интернет называют не только универсальным источником информации, но и, увы, грандиозной информационной свалкой... Так разве может он заменить книгу? Нет, не противостояние интернета и книги, а конвергенция, солидарное взаимодействие — таков путь мировой культуры в XXI веке.

Острее, чем Чивер, высказался Стефан Цвейг: «...тот, кто однажды познал цену написанного и напечатанного, цену духовного общения посредством слова во всей его неизмеримой глубине — способствовала ли этому познанию одна книга или вся совокупность их, — тот улыбнется сострадательно, видя малодушие, охватившее сегодня многих, даже умных людей. Время книг миновало, теперь слово принадлежит технике, сокрушаются они; граммофон, кинематограф, радио, как более искусные и удобные передатчики слова и мысли, уже вытесняют книгу, и скоро ее культурно-

историческая миссия отойдет в прошлое».

Какой узкий взгляд, какая куцая мысль! Ибо где и когда технике удалось совершить хоть одно чудо, которое превзошло бы или хоть сравнялось с чудом, явленным тысячу лет назад в книге? Завершая свое эссе, австрийский романист пишет: «Повсюду, не только в нашей личной жизни, книга есть альфа и омега всякого знания, начало начал каждой науки».

Наконец, приведем здесь мнение лауреата Нобелевской премии Германа Гессе, который писал, что «несмотря на ребяческое восхищение идеями прогресса, люди непременно поймут, что письменности и книге свойственны особые функ-

ции, которые не исчезнут веками. И окажется, что слово и его передача на письме — не просто полезное подспорье, но единственный посредник, благодаря которому человечество имеет историю и непрерывное сознание».

Возвращаясь к нашей современности, отметим, что в России похороны настроения вокруг книги были вызваны не только «давлением» со стороны интернета, но и тем, что отечественное книгоиздание было почти полностью отдано на откуп рынку. В прессе многократно сообщалось, что, несмотря на активные действия президента Путина по расчистке гуманитарных завалов в 2013—2019 годах, за последние десять лет отрасль потеряла свыше 40%

«Слово и его передача на письме — не просто полезное подспорье, но единственный посредник, благодаря которому человечество имеет историю и непрерывное сознание».

Герман Гессе

объема ежегодного выпуска. Важно подчеркнуть, что, как ни странно, эта крайне тревожная статистика не должна стать знаменем в руках тех, кто, констатируя «гибель» книги, провозглашает тем самым торжество цифровой эры; наша задача состоит в том, чтобы осознать провал, признать совершенные ошибки и, главное, согласиться с тем, что такое положение дел, напротив, препятствует наступлению новой эры, в которую мы так стремимся.

О вечности сути книги писали многие выдающиеся мыслители XX века в диапазоне от Льва Толстого до Умберто Эко. Как справедливо заметил Рэй Бредбери, человек «разве только одну сотую может увидеть своими глазами, а остальные девяносто девять процентов он познает через книгу». Книга и чтение тренируют мозг, развивают воображение, совершенно необходимое для подлинно глубокой рефлексии, освоения большинства престижных профессий, не говоря уже о простой ориентации в мире и в собственной жизни. Читая, человек обогащает свою речь, делает мышление более гибким, стереоскопическим. Недаром, по мнению ряда ученых, человек читающий — это особый тип человека.

Книга играет организующую роль, связывая человека, общество,

государство. Известно, что неграмотный человек — вне политики. Недоучившийся гражданин чаще всего оказывается объектом манипулирования. Это особенно актуально сегодня, когда многообразие разветвленных, порой самых хитроумных средств коммуникации, по исследованиям социологов, позволяет легче управлять мыслями и настроением людей.

Очевидно, что изъяны в управлении государством, равнодушные чиновники во многом проистекают из общественной апатии — нежелания граждан участвовать в жизни страны. А ведь еще Аристотель писал в своей «Политике», что, чтобы дела в государстве шли хорошо, все граждане должны принимать посильное участие в управлении. И нам сейчас, как никогда, нужны хорошо подготовленные кадры — люди с подвижным мышлением, хорошо образованные, осознающие ценность серьезной книги.

Эта новая, современная, фундаментальная книга должна стать нашей надежной опорой, ведь идеологическая борьба, ведущаяся как в пределах России, так и во всем мире, становится всё жестче. Мировое соперничество обуславливает развитие разных видов пропаганды — как агрессивной и беззащитной, так и тонкой, завуалированной. После демонтажа СССР США и другие страны — члены НАТО оказались в крайне выгодных для них условиях однополярного мира. С недавних же пор Россия стала возвращать утраченные позиции, всё больше напоминая достойного преемника СССР, — для США это оказалось неожиданностью. Неистовая экономическая блокада, мощное информационное давление со стороны стран Запада — в последние годы мы к этому уже привыкли. Яркий пример этой идеологической борьбы — то, с каким нахальством Обама называл Сое-

д и е н н ы е Штаты единственной силой, одолевшей Гитлера в ходе Второй мировой войны; теперь ему вторит нынешний президент Трамп. Вот почему мы так нуждаемся в добротных исторических книгах, способных защитить истину, нашу выстраданную Победу в Великой Отечественной войне, наше национальное достоинство.

шающую внутреннюю работу, много читающие, долгие сохраняют творческую активность — и, в конце концов, имеют более высокую продолжительность жизни.

Человечество и его мир будут существовать всегда — если только мысль не иссякнет. Собранные

«Где и когда технике удалось совершить хоть одно чудо, которое превзошло бы или хоть сравнялось с чудом, явленным тысячу лет назад в книге?»

Стефан Цвейг

в книгах мысли одних людей, как и прежде, будут стимулировать работу мысли других людей, которые, в свою очередь, так же зафиксируют результаты своего умственного труда в виде книги. Поэт Стефан Малларме сформулировал так: «Мир существует, чтобы войти в книгу».

Деятельность ООН, национальных и международных структур ЮНЕСКО, других гуманитарных организаций направлена на распространение книжной культуры по всей планете. Задачи мирового сообщества определены в Хартии книги, принятой ЮНЕСКО. В этой Хартии, в частности, говорится: «все связанные с книгами лица и организации обязаны добиваться того, чтобы книги содействовали развитию личности, социальному и экономическому прогрессу, международному взаимопониманию и миру».

Известно высказывание Декарта: «Мысль, следовательно, существую». — «Читаю, следовательно, существую», — добавим мы.

В апреле—мае этого года на выставке в Российской государственной библиотеке можно было увидеть то, что, несомненно, входит в сокровищницу цивилизации — двухтомную 42-строчную Библию первого книгопечатника Иоганна Гутенберга. Это — всё равно что «Джоконда»

Леонардо да Винчи в мире живописи; это — не просто артефакт, а символ величия человеческой мысли.

Гутенберг положил начало великому делу. Я совершенно убежден, что оно будет достойно продолжено и в дальнейшем — и что конца книгоиздания не случится.

Валентин Юркин

Не противостояние интернета и книги, а конвергенция, солидарное взаимодействие — таков путь мировой культуры в XXI веке.

ТАТЬЯНА ДОРОШИНА: «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» – ЭТО СТАРИННЫЙ ЗАМОК»

Директор издательства Татьяна Дорошина – о своем трудовом пути и задачах, которые стоят перед «Молодой гвардией».

– Татьяна Александровна, вы пришли в издательско-полиграфическое объединение «Молодая гвардия» в 1981 году – сразу после окончания Московского полиграфического института.

– Да, с распределением мне повезло. Впрочем, дело не только в везении. Я хорошо училась, и мои высокие оценки позволили мне самой сделать выбор: «Молодая гвардия», издательство ЦК ВЛКСМ. Это звучало очень солидно!

– Каковы были ваши первые впечатления? «Молодая гвардия» была тогда настоящей империей.

– Это правда. Я сразу почувствовала, что попала в огромное предприятие со славными традициями. В 1982-м мне довелось побывать на 60-летию «Молодой гвардии» в Колонном зале Дома Союзов. От этого вечера остались чудесные воспоминания. Когда моих родителей спрашивали, куда я устроилась на работу, они отвечали с большой гордостью.

Трудно говорить о дружности четырехтысячного коллектива – ввиду его многочисленности, но то, что он был прочно связан общим делом, несомненно. Все мы жили насыщенной жизнью – как производственной, так и общественной. Многие сотрудники работали в «Молодой гвардии» всю жизнь. Выстраивались целые династии: бабушки и дедушки – родители – дети... С тех пор, конечно, многое изменилось, но в одном я уверена: бывших молодоговардейцев – не бывает. Я не знаю ни одного человека, кто работал в «Молодой гвардии» и кто не вспоминал бы сейчас наше издательство с теплотой.

– Несколько лет вы работали в отделе технического контроля молодоговардейской типографии. Кто-нибудь из писателей заходил к вам в цех?

– Редко, но бывало – чтобы не редактор, не худред, а сам автор... Вспоминается Василий Михайлович Песков – он, как мне кажется, относился к своим книгам чрезвычайно трепетно.

– Тиражи в советскую эпоху были поистине огромными, не чета нынешним. Типографии необходимо было не только обеспечивать высокое качество книжно-журнальной продукции, но и сохранять ритмичность выпуска. Насколько тяжело было справляться со столь массивной работой?

– Нагрузка на нашу типографию была и вправду колоссальной. Каждый год мы выпускали 350–400 наименований, их суммарный тираж достигал 40 миллионов экземпляров. И это – только книги, а было еще и целое «се-

мейство» газет и журналов. Тираж одной «Пионерской правды» достигал 10 миллионов экземпляров – это был мировой рекорд для детских и юношеских периодических изданий.

Сейчас мы привыкли к тому, что многие процессы происходят онлайн, а тогда всё нужно было сделать «вручную»: вовремя загрузить автомобили, которым предстояло доставить свежие номера изданий на самолет, и многое другое. Одновременно у нас в типографии могли находиться 200 позиций, причем на разных стадиях. Для текста – одно оборудование, для форзаца – другое, для обложки – третье... Чтобы сразу несколько этапов производства сошлись, необходимо было всё это учитывать, держать в уме. Работали порой чуть ли не круглосуточно. Так что для меня, как и для всего коллектива, это была прекрасная школа – выносливости, дисциплинированности, ответственности.

– В 1986-м вас избрали освобожденным секретарем комитета комсомола. Какую роль сыграл в вашей трудовой биографии комсомольский опыт?

– Комсомол научил меня работе с людьми: правильному общению, поиску компромиссов. Свердловский район, в комсомольскую организацию которого «Молодая гвардия» вошла наряду с Большим и Малым театрами, Ленкомом, «Петровкой, 38», рядом крупных институтов, а также другими гигантскими полиграфическими предприятиями – «Правдой», «Красным пролетарием», был одним из престижнейших районов Москвы. Так что мне довелось много помогать людям – с путевками, организацией досуга. Молодым семьям комсомол мог «подсобрать» и в получении квартиры...

– Вы прошли путь от стажера-технолога до руководителя крупного подразделения – начальника производственного отдела типографии. Недавно вы стали директором издательства «Молодая гвардия». Каким вы увидели наше издательство в новой должности?

– Да, ракурс поменялся, а вот точка зрения осталась при этом прежней. Я сравнила бы наше издательство со старинным замком, который, наверное, в чем-то и уступает современным зданиям из стекла и бетона. Но в самой его старине – его обаяние, его величие. «Молодая гвардия» – это богатейшая история. У нас есть то, чего у других, наверное, не будет никогда. Другие издательства проживут какой-то своей жизнью – наш же путь навсегда останется уникальным, неповторимым.

– Отечественное книгоиздание переживает сейчас непростые времена. Даже Распечатать

стала нехотя признавать, что отрасль в целом стагнирует. Какие задачи стоят сейчас перед «Молодой гвардией»?

– Скажу честно: все издатели завидуют тому, что у нас есть серия «ЖЗЛ». Да, рынок поставил ее и другие наши серии в не самые благоприятные условия. Наша задача – сделать всё, чтобы укрепить лучшие нравственные, просветительские традиции «ЖЗЛ». Иными словами, мы обязаны сохранить ценность этой легендарной серии для молодых поколений, чтобы и впредь в «ЖЗЛ» не появлялось ни одной проходной книги. Отбор рукописей должен стать еще строже.

При этом мы не собираемся ограничиваться одной лишь «ЖЗЛ». К примеру, «Повседневная жизнь человечества» у нас словно недолюбленная дочь, а ведь в рамках этой серии часто выходят книги весьма значительные, пользующиеся у читателей большим спросом. Кроме того, думаю, увеличится доля наших внесерийных изданий.

Все наши бизнес-решения должны выстраиваться в двух плоскостях: во-первых,

создание качественного продукта; во-вторых, проведение грамотной рекламной кампании, цель которой – довести наши книги до покупателя.

– Татьяна Александровна, расскажите о ваших читательских предпочтениях.

– Из наших книг я с наибольшим интересом читала произведение Льва Данилкина «Ленин: Пантократор солнечных пылинок» – победителя Национальной литературной премии «Большая книга»-2017. Как только я дочитала последнюю страницу и закрыла книгу... у меня тут же возникло желание перечитать. Возможно, это лучшая похвала автору, проделавшему столь титанический труд. Сейчас читаю «Комиссаржевскую» Анны Сергеевой-Кляпис. Люблю «Лавра» Евгения Водолазкина, прозу Татьяны Толстой, Питера Мейла, Виктории Токаревой, Владимира Познера...

Кроме того, покупаю сейчас много детской литературы – моему внуку 7 лет, и я хочу приобщить его к чтению.

Сергей Коростелев

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЕНТЯБРЬ – ДЕКАБРЬ 2018

Книги, вышедшие в сериях «ЖЗЛ» и «ЖЗЛ: Биография продолжается...», а также внесерийные издания.

Ванга / Виктория Балашова. – ЖЗЛ – 279[9] с.: ил. – Вып. 1756.
Юстиниан / Сергей Дашков. – ЖЗЛ – 426[6] с.: ил. – Вып. 1749.
Берлин-45 / Сергей Михеенков. – ЖЗЛ – 460[4] с.: ил. – Вып. 1761.
Глюк / Лариса Кириллина. – ЖЗЛ – 380[4] с.: ил. – Вып. 1760.
Творцы русской идеи / Арсений Гулыга. – ЖЗЛ – 2-е изд. – 333[3] с.: ил. – Вып. 1013.
Булат Окуджава / Дмитрий Быков. – ЖЗЛ – 4-е изд. – 777[7] с.: ил. – Вып. 1311.
Савва Сторожевский. Жизнеописание: факты и мифы, предания и гипотезы / Константин Ковалев-Случевский. – ЖЗЛ – 3-е изд., испр. – 415[1] с.: ил. – Вып. 1098.

Никита Михалков. «Он русский, это многое объясняет...» / Михаил Крупин. – 612[12] с.: ил.
Караваджо / Александр Махов. – 340 с.: ил.
Кирилл и Мефодий / Юрий Лошниц. – 366 с.
Марина Мнишек / Вячеслав Козляков. – 342 с.
Отец Иоанн (Крестьянкин). И путь, и истина, и жизнь / Вячеслав Бондаренко. – ЖЗЛ – 471[9] с.: ил. – Вып. 1762.
Виктор Маслов / Александр Горбунов. – ЖЗЛ – 287[1] с.: ил. – Вып. 1759.
«Кембриджская пятерка» / Владимир Антонов. – ЖЗЛ – 254[2] с.: ил. – Вып. 1688.

Брейгель, или Мастерская сновидений / Клод Анри Роке; пер. с фр. Т. А. Баскаковой. – ЖЗЛ – 2-е изд. – 301[3] с.: ил. – Вып. 1126.
«Кембриджская пятерка» / Владимир Антонов. – 254[2] с.: ил.
Питер Брейгель: Мастерская сновидений / Клод Анри Роке; пер. с фр. Т. А. Баскаковой. – 301[3] с.: ил.
Фаина Раневская / Матвей Гейзер. – 226 с.
Арина Родионовна / Михаил Филин. – 215 с.
Елена Морозова / Маркиз де Сад. – 303 с.
Леонид Утесов / Матвей Гейзер. – 329 с.
Барков / Наталья Михайлова. – ЖЗЛ – 266[6] с.: ил. – Вып. 1763.

Герои «СМЕРШ» / Александр Бондаренко. – ЖЗЛ – 287[1] с.: ил. – Вып. 1759.
Корней Чуковский / Ирина Лукьянова. – ЖЗЛ – 3-е изд. – 991[1] с.: ил. – Вып. 1079.
Маннергейм / Леонид Власов. – ЖЗЛ – 2-е изд. – 309[11] с.: ил. – Вып. 913.
Шаламов / Валерий Есипов. – ЖЗЛ – 2-е изд., испр. – 346[6] с.: ил. – Вып. 1374.
Анатолий Александров / Николай Бодрихин. – ЖЗЛ – 461[3] с.: ил. – Вып. 1764.
Зураб Церетели / Лев Колодный. – ЖЗЛ: Биография продолжается... – 347[5] с.: ил. – Вып. 38.
Иван Барков. Пылкого Пегаса наездник удалой / Наталья Михайлова. – 266[6] с.: ил.
Обреченные победители: шестидесятники / Дмитрий Быков. – 360[8] с.
Рафаэль / Александр Махов. – 377[7] с.: ил.
Сковорода / Юрий Лошниц. – 204 с.
Гончаров / Юрий Лошниц. – 390 с.
Маршак / Матвей Гейзер. – 334 с.
Украинская война: Вооруженная борьба за Восточную Европу в XVI–XVII вв. Книга 3: Встречное наступле-

ние: Балтика – Литва – Поле (вторая половина XVI в.) / Владимир Широков. – 917[11] с.
Маргелов / Сергей Михеенков. – ЖЗЛ – 495[1] с.: ил. – Вып. 1769.
Даниил Гранин. Хранитель времени / Виктор Лопатников. – ЖЗЛ – 341[11] с.: ил. – Вып. 1765.
Сидней Рейли: Жизнь и приключения английского шпиона из Одессы / Евгений Матонин. – ЖЗЛ – 479[1] с.: ил. – Вып. 1767.
Серафим Саровский / Валентин Степашкин. – ЖЗЛ – 2-е изд., испр. – 587[5] с.: ил. – Вып. 1686.
Ганнибал / Серж Лансель; пер. с фр. Е. В. Головиной; предисл. Т. А. Бобровниковой. – ЖЗЛ – 2-е изд. – 356[12] с.: ил. – Вып. 821.
Калигула / Игорь Князький. – 254 с.
Караваджо / Александр Махов. – 340 с.
Дмитрий Донской, князь благоверный / Юрий Лошниц. – 327 с.
Нерон / Игорь Князький. – 314 с.
Патриарх Тихон / Михаил Вострышев. – 382 с.
Михоэлс / Матвей Гейзер. – 328 с.
Шарлотта Корде / Елена Морозова. – 245 с.

ВЛАДИМИР ДЕСЯТЕРИК: СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ

20 января ушел из жизни директор издательства «Молодая гвардия» в 1978—1985 годах Владимир Ильич Десятерик (1937—2019)

Владимир Ильич родился 6 июля 1937 года в Днепропетровской области. В 1959 году он с отличием окончил историко-филологический факультет Днепропетровского университета. В 1962—1964 годах был редактором областной комсомольской газеты «Молодой ленинец», после чего был переведен в аппарат ЦК ВЛКСМ. Работал в газете «Комсомольская правда».

В 1971—1978 годах — советник председателя Госкомиздата СССР.

В 1978 году был назначен директором издательства «Молодая гвардия». Будучи влюбленным в книгу, имея солидный опыт работы в качестве журналиста, автора книг, издателя, Владимир Ильич смог мобилизовать молодого гвардейский коллектив на новый творческий подъем. Поддержав и сохранив всё ценное, что накопила «Молодая гвардия», дал толчок развитию новых серий и библиотек. В один из критических моментов смог защитить серию «ЖЗЛ», которая — после ряда нападков со стороны недоброжелателей — находилась под угрозой закрытия.

В 1985—1987 годах работал генеральным директором киностудии «Мосфильм». С 1993 года возглавлял издательство Ассоциации книгоиздателей «Фонд имени И. Д. Сытина». Награжден орденами Дружбы народов (1980), Почета (1998), многочисленными медалями.

В течение всех лет после своего ухода из «Молодой гвардии» Владимир Ильич не терял связей с издательством, выпустив книгу «Анатомия созидания. История издательства «Молодая гвардия» в письмах и документах». Кроме того, для «ЖЗЛ» он написал книги об основателе легендарной серии Флорентии Павленкове, а также об Иване Сытине. В 2017-м вышла его книга об общественном и государственном деятеле Борисе Пастухове, в 2018-м, к столетию ВЛКСМ, — составленный им сборник стихов и песен о комсомоле.

Доктор исторических наук, член Союза писателей, Владимир Ильич запомнится молодым гвардейцам не только как мудрый руководитель, но и как скрупулезный исследователь, талантливый автор и просто очень светлый человек. Вечная ему память!

Предлагаем вашему вниманию фрагменты из готовящейся к изданию книги воспоминаний о В. И. Десятерике.

...С моей мамой, Зинаидой Полтавченко, отец учился на одном курсе. Филологический факультет — сообщество дамское. Девушек было много, а парней не хватало. Отец был на виду. Одна преподавательница очень хотела подружиться с его дочерью. Но этому не суждено было случиться.

Зинаида была девушкой из простой рабочей семьи. Красота ее была утонченной, изысканной. У нее были правильные черты лица, мягкие волнистые волосы, воздушные и светящиеся на солнце золотом, зеленые, как у няяды, глаза, стройная фигура. На отца она обратила внимание первой — но виду не подавала. Когда же появились претенденты с ней подружиться, она намекнула, что смотрит на другого. Тут уж намекнули и ему...

Расписались они 9 сентября 1959 года — студентами 4 курса. Жила молодая чета сначала в студенческом общежитии, потом отцу выделили комнату, позже — квартиру. А в 1964 году, когда мне было три года, отца перевели на работу в Москву...

Марина Спирина

...На одной из последних подаренных мне книг Владимир Ильич написал:

«Дорогой Анатолий Николаевич! Если бы кто-то в 1957 году, когда мы жили дружной коммуной в общежитии, сказал бы, что мы с тобой 60 лет спустя в Москве будем обмениваться своими книгами на тему о том, как важно с помощью чтения делать из себя человека, можно было бы посмеяться. А зря! Мы ведь дожили, дружище, до этого светлого дня в наших судьбах!

Москва. 19.06.2017.

«Делать из себя человека»... Всю свою жизнь В. И. Десятерик подчинил этому девизу. При помощи книжного богатства, попадавшего в его руки, он обретал радость творческого

Август 2017 года. Владимир Десятерик с Борисом Пастуховым в стенах «Молодой гвардии»

труда, занимался самообразованием, расширял горизонты своей культуры, своего духовного мира...

Анатолий Чирва — кандидат педагогических наук, член Союза писателей России

...«Милым друзьям в память первой встречи». Эта надпись была сделана Валерией Дмитриевной Пришвиной в августе 1977 года — на ее книге о жизни М. М. Пришвина в подмосковном Дунине в его последние годы. Книга с надписью была подарена Зинаиде Павленко и ее дочери Марине, когда они приехали к нам после выхода в «Молодой гвардии» книги «Наш дом».

Так началась наша многолетняя дружба с этой замечательной семьей. А еще — сотрудничество по изданию книг Пришвина, когда В. И. Десятерик был директором «Молодой гвардии».

Обсуждение новых замыслов, подборка поэтических миниатюр и дневниковых записей писателя для новых книг, особенно маленьких книжечек, которые Владимир Ильич увлеченно составлял, — всё это объединяло нас многие годы...

Лилия Рязанова — заведующая музеем Пришвина

...В апреле 1979 года делегация советских писателей была приглашена в Англию. В ее составе поехали и мы с Десятериком. Была какая-то конференция. И вдруг — записка для нас двоих. Читаем: Евтушенко (он жил тогда в Англии) узнал о нашем приезде из газет и просит спуститься в холл.

Десятерик с ходу сообщил Евтушенко, что очередной его книге стихов определен тираж: свыше ста тысяч экземпляров! Сейчас это покажется фантастикой. Но и тогда это было необычно, ведь Евтушенко воспринимался властями как поэт неблагонадежный. Однако В. И. Десятерик гнул свою линию: молодежь любит Евтушенко.

Обрадованный, поэт обратился к нам с таким предложением: «Вечер отдайте мне и ночному Лондону!»

Для начала в одном из «типичных для простого люда» пабов Евтушенко угостил нас «настоящим британским пивом». Затем ресторан: ужин — с французским шампанским! И разговоры: и какие-де страсти в литературной Москве, и как ему, Евтушенко, живется и пишется здесь... Читать «из нового» в ресторане отказался. Зато когда шли полночным городом к гостинице — изумлял встречных звучным голосом и взмахами рук. Наверное, он казался им Дон-Кихотом: длинно-высокий, худющий, аскетичное лицо, высверкающие глазки, а рядом — сразу два Санчо Пансы...

Валентин Осипов — главный редактор издательства «Молодая гвардия» в 1962—1974 годах

...Мы были друзьями-соседями — более четверти века прожили рядом.

Знакомы были давно, а вот сдружились сравнительно недавно. Почти всю праздничную ночь 2017 года мы провели вчетвером в нашей квартире, вот тогда за откровенными разговорами и узнали многое друг о друге. И еще больше — из Володиной мемуарной книги «Дар судьбы».

Книга эта завершается примечательным абзацем: «На заре юности, будучи секретарем Днепропетровского горкома комсомола, я вел многочасовую дискуссию на тему: “Что значит уметь жить?” Сегодня, спустя почти полвека, опираясь на опыт прожитых лет, говорю: “Работать в поте лица своего на благо родной земли и всего человечества. Не делать ни шагу против совести. Радоваться каждому светлomu мгновению. Это — главное в умении жить”»...

Юрий Поройков — поэт, прозаик, журналист

...После его ухода с поста директора возглавить «Молодую гвардию» доверили мне. Так случилось, что я уже работал в качестве его преемника, а с его новым назначением произошла странная остановка...

Уходить из издательства особого смысла Владимиру Ильичу не было: работа была престижная, увлекательная, результативная. Но было хорошо известно, что один из влиятельных партийных функционеров постоянно зло и несправедливо досаждал Владимиру Ильичу претензиями. Зачем, дескать, «Молодая гвардия» выпускает «архаичную» прозу Василия Белова, «провокационные» романы Валентина Пикуля? Зачем, наконец, вышла брошюра о масонах?! Какая предлагалась альтернатива? — Сосредоточиться на комсомольской литературе. Но счастье «Молодой гвардии» в том и состоит, что с первых лет существования мы получили возможность работать «широким фронтом»...

Были в высших сферах у Владимира Ильича и друзья, люди, ценившие его плодотворную работу. В 1985 году он был рекомендован на пост председателя комитета по делам книгоиздания РСФСР.

Однако решение кадровых вопросов в СССР подчас превращалось в бег с препятствиями. Это испытание пришлось пройти и Владимиру Ильичу — неожиданно ситуация с его назначением затормозилась, хотя визы большинства секретарей ЦК КПСС были получены.

«Ничего не понимаю, — досадовал он в разговоре со мной. — Я прошел почти все согласования — и вдруг тишина. Может, тебе удастся что-нибудь выяснить? Неужели мне не доверяют?»

Вскоре всё разъяснилось. Анатолий Попов, работавший в общем отделе ЦК КПСС, рассказал, в чем дело. Ждали Е. К. Лигачева из отпуска. Тот неожиданно сказал, что Десятерик — из круга Пастухова, которого он дол-

жен отправить послом в Данию, поэтому свою подпись он не поставит. Неприязнь к Пастухову появилась у Лигачева еще в бытность его работы на должности первого секретаря Томского обкома КПСС...

Владимир Ильич перестал пить валидол, лично к нему претензий не было. И всё же ситуация сложилась деликатная: получалось, что он освободил место директора «Молодой гвардии» для меня — а сам оказался не у дел.

В то же время председатель Госкино Ф. Т. Ермаш искал нового директора «Мосфильма»; И. Ф. Сенечкин из сектора издательств ЦК КПСС указал ему на «безработного» Десятерика. Через неделю он прошел собеседование у первого секретаря МГК КПСС Виктора Гришина и возглавил огромную киновябику...

Валентин Юркин — генеральный директор АО «Молодая гвардия»

...«Какое качество вы выделили бы во Владимире Ильиче Десятерике?», — спросите меня, и я отвечу: «Глубокая внутренняя интеллигентность, энциклопедические знания». Всё, что он делал, отличалось глубоким профессионализмом, знанием предмета. О «Ее Величестве книге» — он знал всё.

В последний раз мы выдвинулись в кабинете первого секретаря ЦК ВЛКСМ — я вручал ему почетный знак «100 лет ВЛКСМ». Выглядел Владимир Ильич плохо, но держался мужественно...

Борис Пастухов — Первый секретарь ЦК ВЛКСМ в 1977—1982 годах

...В богатой плеяде удивительных личностей, с которыми связала меня судьба, В. И. Десятерик выделяется особо теплым, вдохновляющим светом. В одной из своих книг он точно отметил: «Так и остается для меня загадкой: что притягивает людей друг к другу? Почему они оказываются предположения кому-то из своего окружения и заключают на многие годы крепчайший из союзов, именуемый дружбой? Какие-то внутренние флюиды определяют такой выбор? Может, человеческое сердце?» В самом деле, наши сердца, чувства и деяния находились на одной волне — стремлении делать добро людям. Так появился Центр народной помощи «Благовест», объединивший нас на многие десятилетия.

Наша с Людмилой Ивановной Швецовой дружба с Владимиром Ильичом, участие в совместных благотворительных, культурных, общественных проектах убеждали в его исключительной порядочности и сосредоточенности на вопросах отечественной культуры...

Зинаида Драгункина — Председатель Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре, президент ЦНП «Благовест»

...Нашей дружбе с Володей Десятериком — 55 лет.

Ведомые нашим идейным вдохновителем Валерием Ганичевым, мы пытались учить сверстников не столько тому, «как жить», сколько тому, «ради чего жить». Безоглядные романтики...

Возглавив «Молодую гвардию», Володя Десятерик сделал всё, чтобы талантливый коллектив единомышленников продолжал заряжать юношей и девушек верой и надеждой, жаждой сделать что-то хорошее в жизни.

А сегодня нас убивает вовсе не бедность, а нежелание или неумение жить достойно, как жил и будет жить в наших сердцах Володя Десятерик...

Адолф Куканов — журналист, сотрудник ЦК ВЛКСМ

...Ректор Московского гуманитарного университета Игорь Ильинский в стихотворении, посвященном Владимиру Ильичу, писал о его многогранном, уникальном таланте:

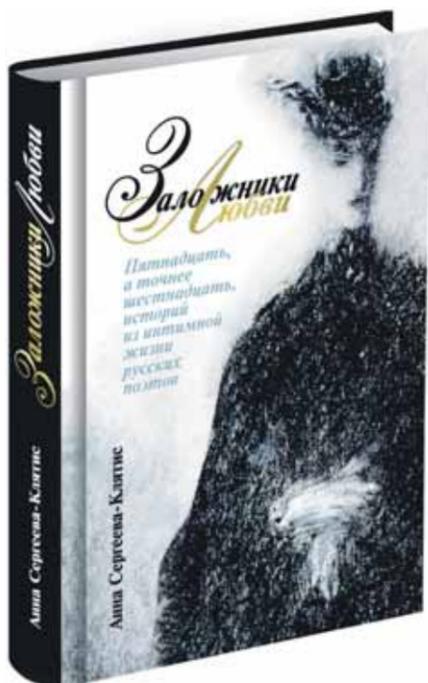
« Ты, как штык и пуля, создан для атаки... »

Вся жизнь, комсомольская, журналистская, издательская, государственная и общественная деятельность В. И. Десятерика убедительно подтвердили это.

20 января 2019 года пламенное сердце нашего друга и верного товарища остановилось. Но остались его дела, десятки великолепных книг, научные труды...

Евгений Тяжелников — Первый секретарь ЦК ВЛКСМ в 1968—1977 годах

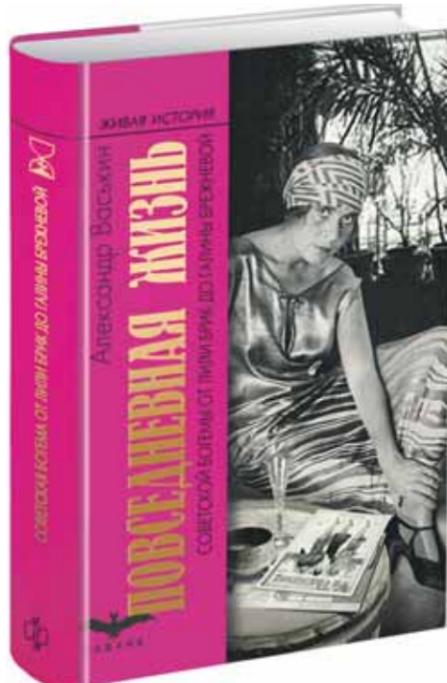
«ВЛЮБЛЯЕТСЯ БОГ НЕПРИКАЯННЫЙ...»

Любовь – состояние измененного сознания. Оно опьяняет, мучает, захватывает, вдохновляет, позволяет пережить минуты высочайшего восторга, повергает на самое дно отчаяния. Что же говорить о любви поэта, который и без того живет на грани двух реальностей? Интенсивность чувства переплавляется в поэтические строки неимоверной силы, страдания и наслаждения становятся материалом для творчества, влияют на мировоззрение, заново формируя картину мира. – «Когда любит поэт, влюбляется бог неприкаянный». Подобное можно сравнить разве что с масштабными природными катаклизмами, когда на месте катастрофических разломов земной коры вырастают вдруг до небес неведомые горные массивы...

В эту книгу включены шестнадцать любовных историй из жизни русских поэтов – Василия Жуковского, Александра Пушкина, Константина Батюшкова, Михаила Лермонтова, Федора Тютчева, Афанасия Фета, Александра Блока, Владислава Ходасевича, Марины Цветаевой, Анны Ахматовой, Бориса Пастернака, Иосифа Бродского, Геннадия Шпаликова.

КОМФОРТ, СВОБОДА И КОНФОРМИЗМ

О повседневной жизни советской богемы – писателей, художников, артистов – рассказывает новая книга Александра Василькина. В ней – сотни известных имен, ставших таковыми не только благодаря своему таланту, но и экстравагантному поведению, не вписывающемуся в общепринятые рамки образа жизни. Чем отличалась советская богема от дореволюционной, как превратилась в творческую интеллигенцию, что для нее было важнее – свобода творчества или комфорт, какими были отношения между официальным советским искусством и андеграундом? Где жили и работали творческие люди в Москве, как проводили время в ресторанах и кафе, в мастерских и салонах, на выставках и квартирниках, капутниках и тусовках? Где были московские Монмартр и Монпарнас, что означало «пойти на Уголок», где обитали «Софья Власьевна», «государыня», «Гертруда», «нарядная артистка РСФСР» и «фармацевты»? Ответ на многие интересные вопросы – в своеобразном продолжении книги «Повседневная жизнь советской столицы при Хрущеве и Брежнев».

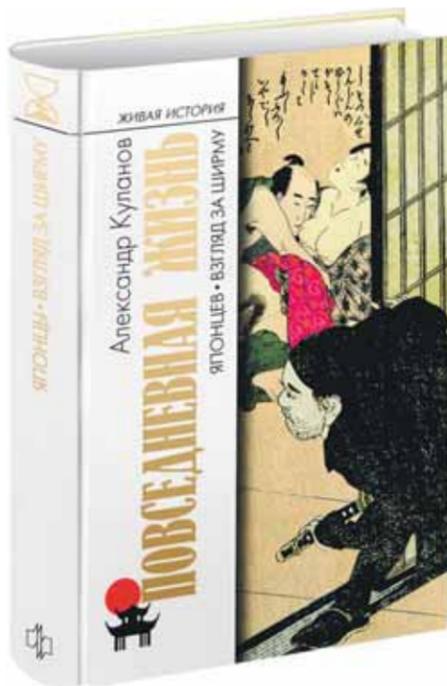
НОВЫЙ ВЕНСКИЙ СТИЛЬ

Творческое наследие великого австрийского художника, основателя нового венского стиля Густава Климта (1862–1918) широко известно и популярно во всем мире. Для его полотен характерны яркие цвета, «мозаичный» фон, манерное, декадентское изображение фигур, зачастую в откровенно эротичных позах, что рождало взрыв общественного негодования. Но, как писал критик Людвиг Хевеши: «Эпохе – свое искусство. Искусству – своя свобода».

С мастерством ювелира он вводил в живопись золотой фон, в мозаику – эмали, драгоценные камни, кораллы и перламутр. Однако внутренний мир и личная жизнь Климта до недавнего времени оставались под завесой тайны. В своей книге, относящейся к жанру беллетризованной биографии с элементами фэнтези, искусствовед и писатель Патрик Карез в своеобразной стилистической манере детально реконструирует жизнь Климта, рассказывает о сложных творческих исканиях, сложных отношениях с близкими людьми. Гениальный художник при жизни не был понят и оценен, но обрел бессмертие у потомков.

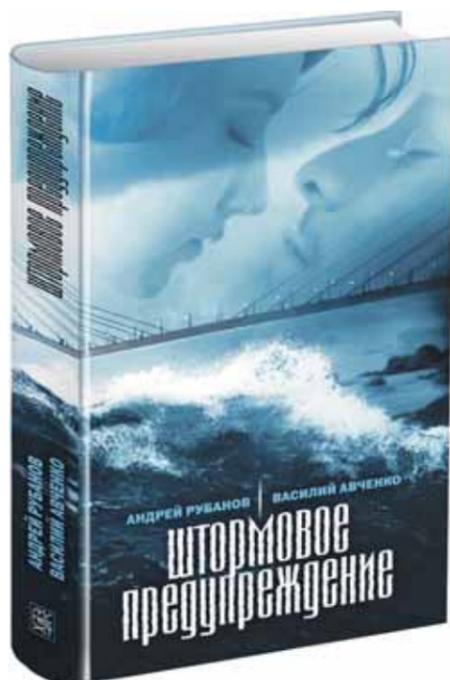
ОБНАЖЕННАЯ ЯПОНИЯ

Япония... Страна романтических грез. С тех пор как она открылась взорам европейцев, о ней слагали легенды, рассказывая о необыкновенных запасах золота, о чудесах природы, о диковинных обычаях и их носителях: самураях – идеале мужественности; и о гейшах – эталоне женственности. Со временем стало известно, что золотых слитков в Японии нет, что природа красива, но сурова, и европейцам привыкнуть к ней трудно. Из всего бывшего очарования не потеряли силу только гейши и самураи...

Новая книга востоковеда Александра Куланова, известного читателям по книгам «Роман Ким», «Ощепков», «Зорге. Неудобный», посвящена сексуальной культуре японцев – теме, с давних пор вызывающей противоречивые эмоции в западном мире. В основу лег труд «Обнаженная Япония», написанный автором в 2004 году и с тех пор значительно переработанный и дополненный. Многие аспекты, связанные с японской сексуальной традицией, претерпели серьезные, порой неожиданные изменения. Оттого и пришла пора вновь заглянуть за ширму японской спальни.

РОМАН БОЛЬШИХ РАССТОЯНИЙ

Константин Станюкович, Леонид Соболев, Валентин Пикуль... В России, стране преимущественно континентальной, достойной маринистической литературы всегда было не так много, и своеобразный творческий эксперимент известных писателей Андрея Рубанова и Василия Авченко – «Штормовое предупреждение. Роман больших расстояний» – призван хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

Санкт-Петербург и Владивосток разделяют 6538 километров по прямой. У нее – Балтика, каналы, Эрмитаж, ночные клубы. У него – праворульные машины, мосты, остров Русский и местная рок-музыка. К чему приведет случайная встреча двух людей на краю земли? Есть ли шанс у их отношений? И какие опасности таит Японское море?

Андрей Рубанов – финалист и лауреат крупных премий, таких, как «Большая книга», «Национальный бестселлер», «Ясная Поляна», Международная премия имени Аркадия и Бориса Стругацких. Василий Авченко, один из самых ярких дальневосточных прозаиков, известен читателям «ЖЗЛ» по книге об Александре Фадееве.

ЭНЕРГИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ

В XXI веке отечественное книгоиздание вступило в новый этап. И дело даже не в символике начала нового тысячелетия и, следовательно, некоего нового отчета. 1990-е были отмечены многочисленными социально-экономическими потрясениями, а в 2000-е у нас в стране началась эпоха относительной стабильности. В этих условиях российская книга получила возможность проанализировать свое прошлое, трезво оценить настоящее и четко обозначить векторы движения в будущее.

Способствуют ли современные тиражи выполнению просветительской функции книги? Как взаимодействуют книга печатная, электронная и интернет? Какую роль играет чтение в процессе формирования личности каждого человека? Ответы на эти и другие вопросы предлагает генеральный директор АО «Молодая гвардия» Валентин Юркин, работающий в сфере книгоиздания более 40 лет. В сборник вошли интервью и статьи 2002–2019 годов, а также ряд других материалов, посвященных издательству «Молодая гвардия», которое движется навстречу столетнему юбилею.

